

ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XX В.

Е.В. КАПИНОС
(Новосибирск)

СЮЖЕТ БЕЗ ГЕРОЯ: «НЕИЗВЕСТНЫЙ ДРУГ» И.А. БУНИНА

В сюжете рассказа И.А. Бунина «Неизвестный друг» отсутствует один из двух главных героев, но от этого сюжетный смысл не утрачивается, поскольку сосредоточен в пустотах, в провалах между звеньями событийной канвы, строится в «межперсонажном» пространстве. Образ героини открывается в зеркалах авторского Я, в отголосках традиционных жанров, таких как романы и новеллы в письмах, в переключках с другими, более поздними текстами.

Ключевые слова: *автор, герой, автоперсонажность, роман в письмах.*

Рассказ И.А. Бунина «Неизвестный друг» был опубликован впервые в альманахе «Златоцвет» [2], вышедшем в Берлине в 1924 г. Альманах содержит стихи и прозаические миниатюры, а также хронику культурной жизни России и Европы, он прекрасно иллюстрирован, на обложке – рисунок Билибина, рубрикация проведена по образцу модернистских журналов, в частности, «Аполлона» (даже шрифты повторяют аполлоновский канон, только альманах больше по формату). В целом же «Златоцвет» 1924 г. представляет собой в середине 1920-х годов живую реплику из дореволюционной культуры России.

Творчество Бунина среднего периода (примерно с 1913-го по начало 1930-х годов) имеет зримые отличия от новеллистического позднего периода, периода «Темных аллей». У «среднего» Бунина сюжеты едва намечены, намеренно не прояснены, отдельные рассказы – это записи спутанных снов, а отношения между героями специально выстроены так, что те связи, которыми они соединены, улавливаются очень слабо или не улавливаются вообще. У «позднего» Бунина чаще, напротив, встречаются эффектные концовки, пуантированные сюжеты, отчетливая ритмотектоника текста.

Характерный пример поэтики И.А. Бунина в средний период – рассказ «Казимир Станиславович», подробно проанализированный с привлечением черновики О.А. Сливицкой. О.А. Сливицкая показала, что Бунин специально нагнетает неопределенность, когда убирает отдельные подробности сюжета, существовавшие в черновиках рукописи [4, с. 138 – 141]. По черновикам событийная цепь «Казимира Станиславовича» восстанавливается О.А. Сливицкой полностью: отец, когда-то бросивший дочь на произвол судьбы, получает известие о ее свадьбе; терзаясь муками совести, он едет в другой город, чтобы тайно присутствовать на венчании, а в ночь после венчания кончает жизнь самоубийством. Замысел предельно ясен и четок: счастливая ночь дочери должна обернуться страшной смертью ее отца, и одновременность контрастных событий, но в то же время их присутствие в разных планах, неизвестность всего происходящего для дочери (только читатель и автор могут совместить в себе разные планы) – вот что должно было послужить основой для ярких художественных эффектов. Однако в чистовом варианте Казимир Станиславович только хочет покончить жизнь самоубийством, но не делает этого, а главное – читатель не узнает, на чью свадьбу так спешит герой, его дочь оставлена в окончательном варианте просто прекрасной незнакомкой для читателя, да и Казимир Станиславович, возможно, воспринимает ее как незнакомку, которую ему суждено увидеть лишь раз в жизни.

Мотив незнакомки/незнакомца варьируется и в рассказе «Неизвестный друг». Для рассказа на любовную тему мотив незнакомки/незнакомца многообещающ, у Бунина он становится одним из ключевых и, с одной стороны, как и в беллетристике, позволяет завязать интригу, с другой – используется абсолютно иначе. Если в беллетристике такой мотив позволяет резко или постепенно развеять флер тайны, витающей над героем/героиней, то у Бунина повествование направлено по пути все большего нагнетания неопределенности. И «Неизвестный друг» – как раз тот случай. Мы видим серию писем (всего четырнадцать), написанных с 7 октября по 10 ноября (год не указан, зато за текстом есть бунинское указание време-

ни и места написания рассказа – Приморские Альпы, 1923 г.), т. е. в полуторамесячном промежутке. Аристократка, которая «не молода..., но... была когда-то не совсем дурна и не слишком резко изменилась...» [1, т. 5, с. 90], имени которой не названо, пишет известному писателю, тоже не названному по имени. Острота сюжета обусловлена тем, что героиня не знакома лично со своим адресатом, она обращается к нему вопреки правилам этикета, вдохновляемая его творчеством. Сам герой так и не появляется. Рассказ имеет своего рода сюжет без героя. При чем сначала героиня не надеется на ответ, затем мягко просит писателя ответить, потом просто требует ответа и, наконец, отчаявшись, прекращает писать. Притом она-то знает его имя, но ни разу не называет его, а вот он так и остается в неведении, поскольку в письмах героиня иронично называет себя «неизвестным другом» писателя, подчеркивая тем самым известность своего адресата. Однако название рассказа полисеманлично, молчаливый, не отвечающий писатель остается неизвестным другом героини, с которой от письма к письму мы все более сближаемся. Обращаясь к известному писателю как к неизвестному другу, вторгаясь в поле его личной неприкосновенности, героиня оставляет нетронутым его имя, приближаясь к возлюбленному герою, но все-таки и отталкиваясь от того круга неизвестности, которым обведена для нее его личность. Текст постоянно «покачивается» на этой волне приближения-отталкивания. Пишущая героиня из ничего создает на пустующем месте героя притягательную энigmatическую сущность, скрытую под покровом неопределенности, в финале покров так и не снимается. Кстати, еще не известно, отправляет ли она эти письма.

Сюжеты в письмах восходят к романам и новеллам в письмах. Новелла обычно состоит из одного или нескольких писем, в которых воссоздается та или иная сюжетная перипетия и описывается или предполагается разрешение этой перипетии. Бунинский рассказ, скорее, напоминает роман в письмах: слишком много в них созерцательности, описаний, тех подробностей, которые никак не влияют на событийный сюжет (чего стоит только описание поездки в трамвае в первом письме: «От дождя, от туч было почти темно, цветы и зелень в садах были необыкновенно яркие, пустой трамвай шел быстро, кидая фиолетовые вспышки, а я читала, читала и, неизвестно почему, чувствовала себя счастливой» (Там же, т. 5, с. 89)). Действие скрыто в рассказе лишь одно – перформативное: она пишет о том, что она пишет ему письма. И если, вспоминая жанр романа в письмах, читатель настраивается на роман в духе Лакло, то он, конечно, останет-

ся разочарованным. Никаких отношений между героем и героиней, кроме отношений письменных, нет и не будет. Ассоциация с романами Лакло (и их многочисленными отражениями в литературе) напоминает о том, как любит Бунин точечные, фрагментарные стилизации «под старину» (многие вещи Бунина включают стилизации стихов, дневников, песен, как будто сошедших со страниц книг XVII – XVIII вв., или еще более старых). Осколки старины всегда как будто бы на мгновение возвращают утраченный мир, дают читателю возможность прикоснуться к нему через героев, которые, оставаясь в своем XX в., производят впечатление «нездешних».

Конечно, героиня «Неизвестного друга» – читательница книг своего современника, писателя начала XX в., однако сам намек на форму романа в письмах выдает ее укорененность в мире не только современной ей литературы, но в старинной изящной словесности, что преобразует ее: из светской дамы XX в. она становится персонажем, вышедшим из глубин литературы далекого прошлого (вот почему в первом же своем письме она предстает перед своим адресатом с «книжкой в руках»). Она пишет ночью у себя в комнате письма неизвестному другу, напоминая сентиментальных и романтических героинь старинных романов. И живет она в Ирландии: «Эти берега – моя вторая родина, это Ирландия, – видите, из какого далека шлет Вам привет один из Ваших неизвестных друзей ... Вчера под ужасным дождем, – у нас вечный дождь...» [1, т. 5, с. 89]. Ирландский городок похож на зимние Приморские Альпы, где свою «вторую родину» обрел Бунин. Но северные края Европы, отдаленные и недоступные, подобны еще и недоступной России, где всегда холодно и пасмурно, и одновременно «Ирландия» – это почти нереальная местность, не местность даже, а область сна и мечты. Ирландия, Гренландия в рассказах Бунина – загадочные страны, где сон граничит с явью, именно в Гренландию во сне мчатся влюбленные друг в друга герои рассказа «Зимний сон» – и навсегда растворяются в метели, исчезают из повествования.

На первый взгляд кажется, что сюжет «Неизвестного друга» – автобиографический: любой известный писатель получает письма восторженных поклонниц и может легко смоделировать ситуацию подобного рассказа. Это, действительно, так, но двойник автора в этом рассказе не только и не столько известный писатель, к которому обращены письма, сколько героиня, сочиняющая эти письма и тоже в определенном смысле являющаяся писательницей (весьма неплохой, поскольку ее рукой водит сам Бунин).

**ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XX в.**

Героиня неразрывными узами связана с настоящим автором повествования. В одной из глав «Онегина» Пушкин удивленно восклицает: «Кто ей внушал и эту нежность,/ И слов любезную небрежность», а читатель, вздыхая вслед за автором над письмом Татьяны, тут же усмехается, понимая, что «эту нежность» внушил Татьяне не кто иной, как автор, теперь удивляющийся своему же мастерству. В «Неизвестном друге» Бунин внушил своей героине свое писательское кредо: «Чья-то рука где-то и что-то написала, чья-то душа выразила малейшую долю своей сокровенной жизни малейшим намеком... – и вот вдруг исчезает пространство, время, разность судеб и положений, и Ваши мысли и чувства становятся моими, нашими общими» [1, т. 5, с. 91]. Конечно, не какой-то неясный адресат, о котором известно лишь то, что он известный писатель (тотальная игра в известность/неизвестность пронизывает весь текст), а пишущая героиня является писательницей и читательницей одновременно. Она сочиняет роман о своей жизни и своей любви, попутно снабжая его мета-текстовыми рассуждениями о себе как об авторе и о природе творчества. Авторский образ отражается в героине и герое настолько, что трудно установить границы между автором и героями, от героев незаметно совершается переход к автору, и наоборот. Это явление можно назвать автоперсонажностью, это свойство всего художественного мира Бунина, которое на уровне стиля подробно описано Ю. Мальцевым [3, с. 325 – 326].

Очень часто Бунин дублирует ситуации и целиком сюжеты своих рассказов среднего периода в позднем творчестве. У «Неизвестного друга» есть такой дублет – «Визитные карточки» в «Темных аллеях», только сюжет «Визитных карточек» гораздо более жесткий. Герои «Визитных карточек», как и в «Неизвестном друге», – знаменитый писатель и восхищенная им романтическая дама с «увядшим, но оттого еще более трогательным» лицом. Только здесь встреча произошла и закончилась драматически: известный писатель жестоко обошелся с мечтательницей, удовлетворив свое «сладострастное желание воспользоваться ее наивной и запоздалой неопытностью» [1, т. 7, с. 75].

Конечно, сказать, что автор отражается в героине «Визитных карточек» так же, как и в героине «Неизвестного друга», было бы не совсем точно, однако именно на незащищенной и трогательной героине, а не на известном писателе, лежат рефлексии бунинского Я. Во-первых, у героини символическая русская судьба, фокус темы – потеря имени, родно-

го дома, переезд: «Мы совсем обеднели тогда, продали остатки имения и переехали в город...» [1, с. 76]. Подобная судьба у другого, уже откровенно автобиографического героя Бунина – Арсеньева. Во-вторых, возможно, за мечтой героини о визитных карточках скрывается не только простодушное желание прикоснуться к чему-то значимому и великому (мечтой, столь грубо растоптанной известным писателем), но и авторское, чисто писательское «желанье славы» – как сложный комплекс чувств, которыми одержим каждый писатель и которые состоят, по-видимому, не столько в жажде известности, сколько в возможности почувствовать, что эфемерный мир мечты, который писатель воплощает на бумаге, обрел плотность и устойчивость.

В «Визитных карточках» мечта героини, претворившаяся в несчастливое знакомство с писателем, была безжалостно сокрушена, в «Неизвестном друге» сюжет остался без героя и без финального пуанта, однако это сохранило в первоизданности и самоценности мир, сотканный из фантазий, снов, из любимых книг героини-мечтательницы. Смысл рассказа сосредоточен в пустотах, провалах между звеньями событийной канвы, что позволяет почувствовать, сколь ярким и самоценным может быть мир мечты, который в рассказе Бунина «Неизвестный друг» открывается в зеркалах авторского Я, в отголосках традиционных жанров, таких как романы и новеллы в письмах, в переключках с другими, более поздними текстами.

Литература

1. Бунин И.А. Собр. соч. : в 9 т. М. : Худож. лит., 1966.
2. Златоцвет. Берлин, 1924.
3. Мальцев Ю. Иван Бунин. 1870 – 1953. М. : Посев, 1994. С. 325 – 326.
4. Сливницкая О.В. «Повышенное чувство жизни»: Мир Ивана Бунина. М. : РГГУ, 2004.

*Plot without a hero: “Unknown Friend”
by I.A. Bunin*

In the plot of I.A. Bunin’s “Unknown Friend” one of the main characters is absent but it does not change the sense as it is in the space and gaps between the chains of events, built in the “inter-personage” space. The image of the main character is reflected in the author’s “I”, in the echoes of traditional genres such as novels and short stories in letters, in referring with the later texts.

Key words: *author, character, auto-personage, novel in letters.*